

Артур Конан Дойл

Долина страха

Перевод с английского
Инны Бернштейн

ФТМ

Артур Конан Дойл

Долина страха

«ФТМ»

1915

Дойл А.

Долина страха / А. Дойл — «ФТМ», 1915

ISBN 978-5-4467-0069-1

Убийца сделал все, чтобы его жертва осталась неопознанной, а полиция пошла по ложному следу. Так бы и случилось, но вмешательство Шерлока Холмса ставит все на свои места. Преступник выходит из укрытия и сам поднимает мрачную завесу над своим прошлым в далекой Америке, откуда к нему через долгие годы тянулся кровавый след...

ISBN 978-5-4467-0069-1

© Дойл А., 1915

© ФТМ, 1915

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Артур Конан Дойл Долина страха

Часть первая Берлстоунская трагедия

Глава 1 Предостережение

– Я склонен думать... – начал было я.

– Похвальное намерение, – язвительно оборвал меня Шерлок Холмс.

Таких кротких людей, как я, мне кажется, на свете не так уж много; но признаюсь, меня все же задело его насмешливое замечание.

– Знаете, Холмс, – раздраженно проговорил я, – иногда вы бываете просто невыносимы.

Но он был слишком поглощен своими мыслями, чтобы расслышать упрек. Сидя перед нетронутым завтраком, он разглядывал листок бумаги, только что вынутый им из конверта. Потом самым внимательным образом с обеих сторон осмотрел и сам конверт.

– Рука Порлока. Я почти уверен в этом, хотя видел образчики его почерка всего два раза. Это характерное E, похожее на греческий эпсилон, с завитушкой сверху. Но если пишет Порлок, тогда это сообщение первостепенной важности.

Холмс не столько обращался ко мне, сколько рассуждал сам с собой. Но слова эти заинтриговали меня, и досада улетучилась.

– А кто он такой, Порлок? – спросил я.

– Порлок, Ватсон, это псевдоним, своего рода опознавательный знак, за которым прячется хитрый, неуловимый человек. Когда-то в одном письме он открыто сообщил мне, что это не настоящая его фамилия, и с насмешкой предлагал отыскать его в миллионной толпе жителей нашего огромного города. Порлок важен не сам по себе, а потому, что связан с великим человеком. Вообразите себе рыбу-лоцмана возле акулы или шакала при льве – словом, нечто незначительное рядом с огромным; и не только огромным, Ватсон, но еще и чрезвычайно зловещим. Вот почему я обратил на него внимание. Вы ведь слышали от меня о профессоре Мориарти?

– О знаменитом ученом-преступнике, который так же известен в уголовном мире, как...

– Вы меня смущаете, Ватсон.

– Но я всего лишь хотел сказать: как никому не известен в порядочном обществе.

– Туше! – воскликнул Холмс. – Очко в вашу пользу. Вы начали усваивать приемы язвительного юмора, надо будет изучить способы защиты. Но имейте в виду, называя Мориарти преступником, вы совершаете подсудное деяние. В глазах закона это клевета, так-то, Ватсон. Величайший заговорщик, организатор бесчисленных злодейств, гений преступного мира – вот что это за человек! При этом он недостижим для закона и огражден от какой-либо критики, ибо так умело ведет дела и так ловко держится в тени, что за слова, сейчас вами сказанные, мог бы привлечь вас к суду и взыскать годовую сумму вашей пенсии в возмещение морального ущерба. Он уважаемый ученый, автор работы по астрономии «Динамика астероида», в которой вознесся на такие высоты чистой математики, что в научном мире, говорят, нет специалиста, который способен ее прочесть и понять. Можно ли дурно говорить о таком человеке? Злостный хулиган и клеветник – вот в какой роли вы предстанете перед публикой. Он гений, Ватсон. И если его людишки со мной не расправятся, мы еще с ним потягаемся.

– Дай-то Бог стать тому свидетелем! – сказал я. – Но вы говорили про Порлока.
– Ах да. Так называемый Порлок – звено в преступной цепи. И не очень-то крепкое звено, я бы даже сказал – единственное слабое место цепи.

– Но прочность всей цепи не превосходит прочности слабейшего из звеньев.

– Именно так, мой дорогой Ватсон! Отсюда значение Порлока. Под воздействием зачаточной склонности к добру, подкрепляемой время от времени десятифунтовыми дотациями, он два раза снабдил меня полезной информацией, которая особенно ценна тем, что помогла предвосхитить и предотвратить злодейство. Не сомневаюсь, будь у нас ключ к шифру, мы прочли бы здесь сообщение именно такого рода.

Холмс разгладил листок на чистой тарелке. Я поднялся и увидел через его плечо следующую странную надпись:

534 П 13 127 36 31 4 17 21 41
ДУГЛАС 109 293 5 37 БЕРЛСТОУН
26 БЕРЛСТОУН 9 47 171

– Что это такое, Холмс?

– Очевидно, попытка сообщить некие секретные сведения.

– Но что проку в зашифрованном сообщении, если к шифру нет ключа?

– В данном случае, похоже, никакого.

– Почему вы говорите «в данном случае»?

– Потому, что существует множество шифров, которые я мог бы прочесть с той же легкостью, как читаю частные газетные объявления. Угадывать их смысл забавно и совсем не трудно. Но тут дело другое. Ясно, что это отсылка к словам на определенной странице в какой-то книге. До тех пор, пока я не знаю, которая страница и в какой книге имеется в виду, я бессилён.

– Но при чем тут «Дуглас» и «Берлстоун»?

– Видимо, это дополнительные слова, которых нет на той странице.

– Почему же он не указал, в какой книге искать?

– Ваша природная осмотрительность, дорогой Ватсон, так восхищающая ваших друзей, тоже наверняка не позволила бы вам прислать зашифрованное письмо и ключ к шифру в одном конверте. Попади он в чьи-то посторонние руки, и все пропало. Иначе говоря, для провала нужно, чтобы оба письма оказались в чужих руках. Сейчас как раз должна прибыть почта, и я буду чрезвычайно удивлен, если мы не получим с ней либо второе письмо, содержащее объяснения, либо же, что вероятнее, саму книгу.

Расчеты Холмса подтвердились, и по прошествии всего нескольких минут Билли, мальчишка, прислуживающий в доме, вручил нам ожидаемое почтовое отправление.

– Почерк тот же, – заметил Холмс, вскрывая конверт. – И на этот раз есть даже подпись. Смотрите-ка, Ватсон, дело продвигается.

Однако, проглядев письмо, он нахмурился.

– Надо же, какая досада! Боюсь, что наши ожидания не оправдались. Надеюсь, что мистер Порлок не пострадал. Послушайте, что он пишет: «Дорогой мистер Холмс! Больше я ничего не смогу прибавить. Слишком велика опасность – он подозревает меня. Мне это ясно. Он неожиданно явился ко мне, когда я как раз собирался вложить в уже подписанный конверт ключ к шифру. Я едва успел прикрыть его другими бумагами. Несдобровать бы мне, если бы он увидел адрес. Но я прочел подозрение в его взгляде. Пожалуйста, сожгите шифровку, вам она теперь бесполезна. Фред Порлок».

Несколько минут Холмс молчал, задумчиво глядя на огонь, тлевший в камине, и рассеянно скручивая письмо в трубочку.

– Вообще говоря, вполне возможно, что это ничего не значит, – проговорил он наконец. – Просто голос нечистой совести. Сознывая себя предателем, он мог вообразить, будто видит подозрение во взгляде того, второго.

– А второй, как я понимаю, это профессор Мориарти?

– Безусловно. Когда кто-то из этих людей говорит «он», всегда ясно, кого они имеют в виду. Для них существует только один «он».

– Но что он может им сделать?

– Гм, вопрос серьезный. Когда к тебе враждебно относится один из могущественнейших умов Европы, а значит, и все силы зла, стоящие за ним, открываются неисчислимые возможности. Во всяком случае, друг Порлок, как мы видим, перепуган не на шутку. Только сравните, как написано письмо, а как – надпись на конверте, сделанная, по словам самого писавшего, до нежданного прихода зловещего гостя. Адрес четкий и ясный. А в письме почерк неразборчивый.

– Но зачем ему было вам писать? Мог бы разорвать надписанный конверт, и дело с концом.

– Затем, что он опасался, как бы я не стал наводить справки и не навлек на него крупные неприятности.

– А, ну да, понятно, – согласился я.

Взяв в руки зашифрованное письмо, я взгляделся в него повнимательнее.

– Надо же, какая досада! На этой бумажке, может статься, написана важная тайна, но проникнуть в нее – вне человеческих возможностей.

Шерлок Холмс отодвинул завтрак, до которого так и не дотронулся, и раскурил довольно зловонную трубку, которая была неизменным спутником его глубоких раздумий.

– Ну, это еще как сказать, – проговорил он, откинувшись на спинку стула и уставясь в потолок. – Пожалуй, есть кое-какие обстоятельства, ускользнувшие от вашего макиавеллиевского ума. Рассмотрим вопрос в свете чистого разума. Во-первых, в шифровке указываются страницы некоей книги. Это послужит нам отправным пунктом.

– Не слишком ясный отправной пункт.

– Давайте попробуем его уточнить. Если подумать хорошенько, задача уже не покажется такой неразрешимой. Какие у нас имеются сведения об искомой книге?

– Никаких.

– Ну, ну, по-моему, не так уж все безнадежно. Записка начинается с группы цифр **534**, верно? Примем как рабочую гипотезу, что они означают номер страницы. Тем самым книга, которая нас интересует, становится не просто книгой, а книгой весьма толстой. Это уже кое-что. Что еще нам известно об этой толстой книге? Следом идет фигура из двух вертикальных штрихов с перекладинами, то есть римское II, не так ли? Что это, по-вашему, может значить, Ватсон?

– Глава вторая, надо полагать.

– Вряд ли. Согласитесь, если известна страница, номер главы несуществен. К тому же, если 534-я страница приходится всего лишь на вторую главу, первая глава получается противоестественно длинной.

– Тогда столбец!

– Отлично, Ватсон. Нынче утром вы затмеваете сами себя. Имеется в виду второй столбец, если я не заблуждаюсь. Итак, мы уже можем представить себе толстую книгу, напечатанную в два столбца, притом достаточно больших, поскольку одно слово в шифровке обозначено номером **293**. Это все, что нам способен подсказать разум?

– Боюсь, что да.

– О нет, вы к себе несправедливы. Еще один всплеск умственной активности, мой дорогой Ватсон, – еще одно озарение. Будь это редкая книга, Порлок послал бы ее мне. А он, как мы

видим из письма, собирался, прежде чем его планы были нарушены, отправить только ключ к шифру. Отсюда следует, что раздобыть книгу, о которой идет речь, для меня, по его мнению, не составит труда. У него она есть, и у меня, по его понятиям, она тоже должна быть. Иначе говоря, Ватсон, это очень распространенная книга.

– Ваши рассуждения кажутся убедительными.

– Мы уже сузили поле наших поисков до одной весьма толстой книги, набранной в два столбца и имеющейся повсюду.

– Библия! – обрадованно воскликнул я.

– Прекрасно, Ватсон! Но я все-таки позволю себе заметить, что Библия не кажется мне той книгой, которая всегда под рукой у сообщников Мориарти. Да и к тому же Священное Писание издано в таком количестве различных изданий, что едва ли два экземпляра будут иметь одну и ту же нумерацию страниц. Тут имеется в виду книга, которая перепечатывается всегда в одном формате. Порлок знает наверняка, что его 534-я страница точно соответствует моей.

– Но таких книг очень немного.

– Вот именно. И в этом наше спасение. Мы должны искать одно из стабильных изданий, которые имеются у каждого.

– Железнодорожный справочник «Брэдшоу»?

– На это, Ватсон, можно кое-что возразить. Язык в «Брэдшоу» хоть и емкий, но весьма ограниченный. Его подбор слов вряд ли подойдет для составления обычных сообщений. «Брэдшоу» мы, пожалуй, исключим. По тем же соображениям нам не подойдет толковый словарь. Что же остается?

– Ежегодник?

– Правильно! По-моему, вы попали в самую точку. Ежегодник. Например, «Альманах Уитакера». Им пользуются все. Количество страниц подходящее. Печатается в два столбца. Правда, лексика в начальных статьях немного скуповата, но ближе к концу, если мне не изменяет память, он становится весьма болтлив. – Холмс взял «Альманах» с письменного стола. – Вот страница 534, второй столбец. Здесь большой абзац, посвященный ресурсам Британской Индии. Записывайте слова, Ватсон! Номер тринадцать – «Махараштра». Боюсь, начало не слишком обнадеживающее. Номер сто двадцать семь – «правительство». Это, по крайней мере, не бессмысленно, хотя к нам и к профессору Мориарти отношения как будто бы не имеет. Так, смотрим дальше. Что делает правительство Махараштры? Увы! Следующее слово – «щетина». Все кончено, мой дорогой Ватсон! Ничего не вышло!

Говорилось это весело и как бы шутя, но нахмуренные брови Холмса выдавали разочарование и досаду. Я, стыдясь собственной беспомощности, молчал и понуро смотрел на огонь.

Неожиданно Холмс подбежал к шкафу и вынул оттуда толстый том в желтой обложке.

– Послушайте, Ватсон, – воскликнул он, – сегодня только седьмое января, а у нас на столе уже новый ежегодник. Но вполне вероятно, что Порлок пользовался еще старым. Давайте-ка посмотрим, что нам предлагает страница 534-я? Номер тринадцать – «грозит». Это уже лучше. Номер сто двадцать семь – «опасность». Итак, «грозит опасность». – Глаза Холмса возбужденно горели, тонкие, нервные пальцы чуть дрожали, отсчитывая следующее слово. – «Возможно!» Ха-ха! Превосходно. Записывайте, Ватсон. «Грозит – опасность – возможно – случится – очень – скоро»... Дальше идет имя: «Дуглас». Затем: «богатый – загородный – сейчас – в – Берлстоун – убеждение – безотлагательно»... Ну что, Ватсон? Что вы скажете насчет чистого разума и его плодов? Я видел у зеленщика лавровый венок, надо бы послать за ним Билли.

Я с недоумением смотрел на текст, который сам же только что записал под его диктовку.

– Какой-то странный рваный способ выражать свои мысли, – заметил я.

– Напротив, очень изобретательно написано, – возразил Холмс. – Когда приходится все слова отыскивать в пределах одного столбца, их, конечно, в нужной форме не подберешь. Приходится положиться на смекалку адресата. Но смысл послания совершенно ясен. Замышляется какое-то злодеяние против некоего Дугласа, проживающего в указанном доме, по-видимому, где-то в провинции, ибо сказано, что он богатый сельский джентльмен. Пишущий это письмо убежден – ближе «убеждения» он ничего не нашел – это дело безотлагательной важности. Вот что мы с вами в итоге получили. Неплохая работа, а?

Холмс все еще довольно потирал руки, когда Билли распахнул дверь и впустил к нам инспектора Макдоналда из Скотленд-Ярда.

В те годы, а дело происходило в конце 80-х, Алек Макдоналд еще не достиг той славы, какой пользуется по всей стране в наше время. Это был молодой, но уже успевший отличиться в нескольких трудных операциях полицейский. Долговязая худощавая фигура выдавала его недюжинную физическую силу, а крупная голова и живые глаза, поблескивавшие из-под мохнатых бровей, свидетельствовали об уме и смекалке. Нрава он был молчаливого, в действиях отличался четкостью и упорством и говорил с заметным шотландским акцентом.

Холмс дважды помог ему добиться крупного успеха по службе, сам довольствуясь только интеллектуальным удовлетворением от решения сложной задачи. По этой причине Макдоналд питал к своему коллеге-непрофессионалу глубокое уважение и доверие и не стеснялся обращаться за советом, когда сталкивался с затруднениями. Посредственность не знает ничего выше себя, талант же признает гения с первого взгляда, а у Макдоналда доставало таланта и профессионализма, чтобы понимать, что нет ничего унижительного в обращении за помощью к человеку, чей дар и опыт не имеют себе равных во всей Европе. Холмс, не привыкший вступать с людьми в дружеские отношения, к долговязому шотландцу питал симпатию и всегда встречал его улыбкой.

– Вы с утра уже в трудах, мистер Мак, – сказал Холмс. – Желаю вам заслуженных успехов. Боюсь, вы опять столкнулись с каким-то злодейством?

– Если бы вы вместо «боюсь» сказали «надеюсь», мистер Холмс, это было бы, по моим понятиям, ближе к истине, – ответил, ухмыляясь, инспектор. – Самые первые часы в расследовании, как вам прекрасно известно, сэр, – часы золотые, но... но...

Инспектор вдруг смолк, с изумлением глядя на лежащий на столе листок с записью расшифровки загадочного письма.

– «Дуглас»! – с недоумением прочитал он. – «Берлстоун»! Что это значит, мистер Холмс? Просто колдовство какое-то. Ради всего святого, откуда у вас эти имена?

– Вот из этого письма, которое мы тут с доктором Ватсоном расшифровывали. А в чем дело? Что-то не так?

Инспектор перевел взгляд с Холмса на меня и обратно.

– Только то, – растерянно выговорил он, – что мистер Дуглас, проживавший в своем имении Мэнор-хаус в Берлстоуне, был зверски убит этой ночью!

Глава 2

Шерлок Холмс рассуждает

Ради таких драматических моментов и жил мой друг Шерлок Холмс. Было бы преувеличением сказать, что поразительные слова инспектора Макдоналда потрясли или даже хотя бы взволновали его. В его уникальном характере не было ни грана жестокости, но от многократных столкновений с событиями подобного рода сердце его, бесспорно, покрылось коростой. Однако, хотя эмоции и притупились, рассудок отличала необычайная живость. Холмс несколько не ужаснулся этому, казалось бы, мистическому совпадению; лицо его просто приняло выражение тихой, сосредоточенной заинтересованности, как у химика-экспериментатора, наблюдающего выпадение кристаллов в перенасыщенном растворе.

– Гм, забавно! – сказал Холмс.

– Вы даже не удивились?

– Удивиться не удивился, но заинтересовался, мистер Мак. С чего бы мне удивляться? Из заведомо надежного источника я получил известие, предупреждающее, что некоему лицу грозит опасность. Проходит не более часа, и я узнаю, что угроза осуществилась, человек этот убит. Меня это заинтересовало, но, как вы справедливо заметили, не удивило.

Холмс в нескольких словах изложил инспектору обстоятельства, связанные с письмом и шифром. Макдоналд слушал, подперев ладонью подбородок и сведя вместе мохнатые рыжие брови.

– Я собираюсь сейчас же ехать в Берлстоун, – сказал он, когда Холмс договорил, – а к вам завернул спросить, не захотите ли вы и ваш друг ко мне присоединиться. Но из вашего рассказа, видимо, следует, что нам полезнее поработать в Лондоне.

– Отнюдь, – покачал головой Холмс.

– Но, черт возьми, Холмс, через день-два газеты будут полны «Берлстоунской загадкой», а какая же тут загадка, если в Лондоне находится человек, заранее знавший о готовящемся преступлении? Надо только его арестовать, и все дела.

– Вам не откажешь в логике, мистер Мак. Но как вы намерены найти этого типа?

Макдоналд покрутил в руках письмо.

– Место отправления – Камберуэлл. Это нам мало что дает. Имя отправителя, как вы говорите, не настоящее. Да, исходных данных маловато. Но вы, кажется, говорили, что посылали ему деньги?

– Дважды.

– Каким образом?

– До востребования на Камберуэллское почтовое отделение.

– И даже не попытались взглянуть на того, кто их получает?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я всегда выполняю уговор. После получения первого письма я обещал, что не буду его выслеживать.

– Полагаете, за ним кто-то стоит?

– Несомненно.

– Тот профессор, про которого вы мне рассказывали?

– Именно!

Инспектор Макдоналд усмехнулся и, посмотрев в мою сторону, еле заметно подмигнул.

– Не скрою от вас, мистер Холмс, у нас в сыскной полиции считают, что вы немного свихнулись на этом профессоре. Я лично наводил справки. Судя по всему, это весьма уважаемый, высокообразованный и талантливый человек.

– Рад, что вы признаете за ним хотя бы талант.

– Ну а как же! Выслушав вас, я считал своим долгом с ним повидаться. Зашла речь о затмениях. Как это получилось, не помню. Но он достал рефлектор и глобус и в две минуты мне все объяснил. Да еще книгу дал почитать, правда, признаюсь, она оказалась мне не по зубам, хоть я и получил основательное шотландское образование. Этот человек удивительно похож на пресвитерианского проповедника, у него такое худое лицо, и седая шевелюра, и высокопарная речь. Прощаясь, он положил мне руку на плечо – прямо отец родной, благословляющий сына на встречу с жестоким, холодным миром.

Холмс ухмыльнулся.

– Здорово! – сказал он. – Великолепно! А скажите-ка, друг мой, эта приятная и трогательная беседа происходила у профессора в кабинете?

– Да.

– Красивая комната, верно?

– Очень красивая, мистер Холмс. Обставлена прекрасно.

– Вы сидели напротив его письменного стола?

– Точно.

– Солнечный свет падал на ваше лицо, а сам он находился в тени?

– Вообще-то дело было вечером, но я помню, что свет лампы был направлен на меня.

– Именно. Вы случайно не заметили картину, висящую над головой профессора?

– Я обычно стараюсь замечать все, мистер Холмс. Наверно, от вас научился. Да, видел я эту картину: молодая женщина сидит, подперев рукой щеку, и искоса смотрит на вас.

– Это полотно работы Жана Батиста Грёза.

Инспектор постарался принять понимающий вид.

– Жан Батист Грёз, – продолжал Холмс, откинувшись на спинку стула и скрестив пальцы, – это французский живописец, расцвет которого приходится на вторую половину прошлого столетия, я имею в виду расцвет творчества, разумеется. Искусствоведение наших дней более чем подтвердило ту высокую оценку, которую ему дали современники.

Во взгляде инспектора явно проглядывала скука.

– Не лучше ли нам... э-э... вернуться... – забормотал он.

– Именно это мы и делаем, – оборвал его Холмс. – То, что я сейчас говорю, имеет непосредственное отношение к тому, что сами же вы назвали «Берлстоунской загадкой». Возможно, в этом и есть ее суть.

Макдоналд жалобно улыбнулся и посмотрел на меня, молча взывая о помощи.

– Я не поспеваю за вашими мыслями, мистер Холмс. Вы опускаете какие-то звенья, а я не могу перепрыгнуть через разрыв. Ну, какая, скажите на милость, может быть связь между давно умершим художником и убийством в Берлстоуне?

– В сыщицком деле любое знание – благо, – сказал Шерлок Холмс. – Даже такой прозаический факт, что в 1865 году картина Грёза «Девушка с ягненком» была продана на аукционе Портали за один миллион двести тысяч франков (что равняется более чем сорока тысячам фунтов), может подтолкнуть ваши мысли в нужном направлении.

Было видно, что толчок уже подействовал. Инспектор оживился, посмотрел с интересом.

– Осмелюсь напомнить вам, – продолжал Холмс, – что величину профессорского жалованья нетрудно узнать из любого надежного справочника, коих имеется несколько. Семьсот фунтов в год.

– Но как же тогда он мог приобрести...

– О том и речь. Как же он мог?

– Н-да, интересно, – сказал, задумавшись, инспектор. – Продолжайте, мистер Холмс. Вас слушать – одно удовольствие. Заслушаешься.

Холмс улыбнулся. Он всегда, как это свойственно настоящим артистам, радовался искреннему восхищению.

– А как же Берлстоун?

– Время еще есть, – ответил инспектор, покосившись на часы. – Кеб ждет у крыльца, и до вокзала Виктории мы доедем меньше чем за двадцать минут. Меня вот что интересует: помнится, вы говорили, мистер Холмс, что никогда не видели профессора Мориарти.

– Никогда.

– Тогда откуда вам известно убранство его комнат?

– Ну, это дело другое. Я три раза побывал в его квартире, дважды приходил в его отсутствие якобы по каким-то делам, сидел, ждал и, не дождавшись, уходил. А однажды... Впрочем, об этом случае не следует рассказывать детективу. Именно тогда я позволил себе взглянуть на бумаги, и результаты оказались самые неожиданные.

– Нашли что-то компрометирующее?

– Ни строчки. Это-то меня и удивило. Надеюсь, теперь вам ясно насчет картины. Она свидетельствует о том, что ее владелец – человек весьма богатый. Но как он разбогател? Он не женат. Его младший брат работает начальником железнодорожной станции на западе Британии. Научная работа приносит ему семьсот фунтов в год. И однако, у него есть полотно Грёза.

– И значит?..

– По-моему, вывод напрашивается.

– То есть, что он имеет большие доходы, и, судя по всему, незаконные?

– Совершенно верно. Разумеется, у меня имеются и другие причины так полагать – с десяток тончайших нитей тянутся к центру паутины, где затаилось коварное, ядовитое существо. Я назвал полотно Грёза просто потому, что вы и сами его видели.

– Ну что ж, мистер Холмс. Признаю, что все это весьма интересно. Более того – поразительно. Но давайте все же уточним, если можно. Что является источником его доходов: мошенничество, фальшивые деньги, грабежи?

– Вы читали о Джонатане Уайльде?

– Имя вроде бы знакомое. Персонаж из какой-то книги? Я не высоко ставлю детективные романы, сыщики в них поступают самым странным образом, а почему, не объясняется. Их просто вдруг осеняет. Это не работа.

– Джонатан Уайльд – не сыщик и не персонаж из книги. Это чрезвычайно ловкий преступник, и жил он в XVIII веке, где-то в 1750-х годах.

– Ну, тогда он мне ни к чему. Я человек дела.

– Мистер Мак, самым полезным делом для вас было бы запереться у себя дома месяца этак на три и по двенадцать часов в сутки изучать историю преступлений. Все в мире повторяется. Джонатан Уайльд управлял лондонскими преступниками, продал им свои мозги за пятнадцать процентов комиссионных. Колесо описало полный круг, и снова показалась та же спица. Все это уже бывало прежде и будет впредь. Я сообщу вам некоторые факты о Мориарти, которые могут вас заинтересовать.

– Вы и так уже меня заинтересовали больше некуда.

– Случайно мне стало известно, кто является первым звеном в цепи, связывающей этого Наполеона преступного мира и сотню бывших кулачных бойцов, карманников, шантажистов и карточных шулеров. Начальником штаба у него полковник Себастьян Моран, такой же высокомерный, осмотрительный и недоступный для полиции, как и Мориарти. Сколько, вы думаете, он ему платит?

– Рад был бы узнать.

– Шесть тысяч в год. Плата за мозги – принцип американского бизнеса. Я узнал это совершенно случайно. Премьер-министр получает меньше. Можете на основании этого судить

о доходах Мориарти и размахе его деятельности. И еще одно: я приложил старания к тому, чтобы ознакомиться с некоторыми чеками, выписанными профессором в последнее время, обыкновенными, невинными чеками, которыми он оплачивал домашние расходы. Чеки выписаны на шесть разных банков. Это вам о чем-нибудь говорит?

– Довольно странно. И каков же ваш вывод?

– Он не хочет, чтобы пошли слухи о его богатстве. Никто не должен иметь полного представления о его доходах. Можете не сомневаться, у него десятка два банковских счетов, а основная часть капитала за границей, в «Дойче банке» или в «Лионском кредите». Когда-нибудь, когда у вас выберется свободный годик-другой, рекомендую вам плотнее заняться профессором Мориарти.

Видно было, что на инспектора Макдоналда рассказ Холмса произвел сильное впечатление, он слушал его разинув рот. Но вот он словно очнулся, в нем снова пробудилась шотландская деловитость, вернувшая его к сиюминутным заботам.

– Ладно, с Мориарти можно пока подождать, – сказал он. – Вы нас тут совсем заговорили, мистер Холмс. На самом деле сейчас важно только то, что между профессором и преступным миром существует определенная связь. Это следует из предостережения, которое вы получили от некоего Порлока. А больше ничего полезного для нас не просматривается?

– Представить возможные мотивы убийства нетрудно. Как я понял из ваших слов, вы поначалу отнесли его к необъяснимым преступлениям. Но если принять гипотезу, что замысел его принадлежит профессору, возможны два мотива. Прежде всего, следует иметь в виду, что Мориарти правит своими людьми беспощадно. У него железная дисциплина. Наказание предусмотрено только одно – смерть. Вполне вероятно, что убитый, этот самый Дуглас, о чьей предстоящей гибели заранее знал один из приближенных главаря, чем-то не угодил Мориарти. Провинившегося настигает кара – факт, о котором станет известно всем, дабы боялись за свою жизнь.

– Что ж, мистер Холмс, одно предположение мы выслушали.

– А вот другое. Заказное убийство. Это бизнес уважаемого профессора. В доме ничего не украдено?

– Насколько мне известно, нет.

– Это, разумеется, говорит в пользу второй гипотезы. Мориарти мог получить деньги вперед, а уж потом осуществить то, что от него требовалось. Но в любом случае разгадку следует искать на месте, в Берлстоуне.

– Так едем в Берлстоун! – воскликнул Макдоналд, вскакивая. – Бог ты мой! Сейчас позже, чем я думал. Джентльмены, могу дать вам пять минут на сборы, и ни секундой больше.

– Этого достаточно, – отозвался Холмс, поднимаясь, чтобы сменить халат на пальто. – А по дороге, мистер Мак, будьте любезны изложить мне все подробности дела.

«Всех подробностей» оказалось до обидного мало, но мы все же смогли убедиться, что случай интересный и, по-видимому, вполне заслуживающий вмешательства эксперта. Холмс, оживившись и потирая худые руки, жадно слушал скупой, но весьма интересный рассказ инспектора. Позади осталась череда скучных, бессодержательных недель, и вот наконец появился подходящий объект для приложения тех редкостных способностей, которые – без применения – становятся в тягость. Ум Шерлока Холмса, подобно острой бритве, в бездействии тупел и покрывался ржавчиной.

Но раздался призыв к работе, и глаза его заблестели, всегда бледные щеки тронул теплый румянец, лицо осветилось изнутри горячим нетерпением. Холмс, весь подавшись вперед, внимательно слушал немногословный доклад Макдоналда о том, что нас ждет в Суссексе. Инспектор объяснил, что рассказ его основан на письменном донесении, доставленном ему в Лондон на рассвете с «молочным» поездом. Уайт-Мейсон, местный полицейский, – его добрый знакомый, и поэтому Макдоналд оказался оповещен о случившемся гораздо раньше, чем обычно

поступают в Скотленд-Ярд подобные сведения из провинции, сопровождаемые просьбой о помощи. Как правило, к тому времени, когда подключается столичный специалист, след уже остывает.

«Дорогой инспектор Макдоналд, – говорилось в записке, которую он нам зачитал. – В отдельном конверте посылаю вам официальное приглашение. Требуется ваша помощь. Телеграфируйте, на каком поезде вы сможете приехать в Берлстоун, и я вас встречу или пришлю кого-нибудь, если сам буду занят. Случай просто невероятный. Не медлите ни мгновения! Если возможно, захватите с собой мистера Холмса: он найдет здесь нечто по своему вкусу. Можно было бы подумать, что все это устроено ради театрального эффекта, если бы не мертвое тело прямо посреди сцены. Совершенно поразительный случай, клянусь!»

- Ваш знакомый, похоже, неглупый человек, – сказал Холмс.
- Ваша правда, сэр, Уайт-Мейсон – человек толковый.
- Ну, а еще он что-нибудь пишет?
- Только, что сообщит подробности при личной встрече.
- Тогда как же вы узнали про мистера Дугласа и про то, что он был зверски убит?
- Эти сведения содержатся в официальном докладе. Там не сказано – «зверски», это не официальный термин. Но имя сообщается: Джон Дуглас. И говорится о повреждениях головы, выстрел был произведен в лицо из дробовика. Тревогу подняли незадолго до полуночи. И еще пишут, что тут несомненно убийство, но никто не задержан, и что вообще дело сопряжено с некоторыми весьма странными и непонятными обстоятельствами. И это – все, что имеется в нашем распоряжении, мистер Холмс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.